

АДАПТАЦИЯ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ. ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ НА НОВОМ ВИТКЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Интервью: Алексей ГРОМЫКО
Беседовал: Вячеслав СУТЫРИН

Аннотация: Современный виток межгосударственного соперничества и кризис безопасности в Европе ставят вечные вопросы о цивилизационном самоопределении России, отношениях запада и востока Европы. Предлагаемый вниманию читателя материал охватывает широкий пласт политических и историко-культурных проблем, определяющих место и роль России в Европе. Выявлены современные особенности конкуренции ведущих держав и ее структура. Рассмотрены причины и исторические параллели новейших событий, связанных с эскалацией украинского кризиса. Очерчены стратегические риски и возможности российской внешней политики на европейском направлении. Показано, что возрастающая агрессивность политики Запада продиктована кризисом неолиберальной модели глобализации. Евросоюз и НАТО все больше оказываются в ситуации, когда возможности играть прежнюю роль в мире снижаются, и приходится приспосабливаться к условиям полицентричности. Отмечено, что ЕС продолжает импортировать внешние риски на свою территорию, в том числе с помощью педалирования украинского кризиса. Догматичный курс на расширение ЕС и НАТО за счет Украины и других стран постсоветского пространства лишь повышает уязвимость этих организаций в плане безопасности.

Ключевые слова: Европа, Россия, соперничество ведущих держав, Евросоюз, США, украинский кризис, европоцентризм, квазибиполярность, цивилизация, полицентризм

Алексей Анатольевич Громыко – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН.
ORCID: 0000-0003-4228-1552. E-mail: gromyko@instituteofeurope.ru
125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

Вячеслав Валерьевич Сутырин – кандидат политических наук, доцент Кафедры международных отношений и внешней политики России, директор Центра научной дипломатии и перспективных академических инициатив ИМИ, МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0003-3884-536X. E-mail: v.sutyurin@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступило в редакцию: 13.05.2024

Принято к публикации: 03.06.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вячеслав Сутырин (В.С.): Алексей Анатольевич, при оценке обострившегося межгосударственного соперничества в Европе зачастую звучат взаимоисключающие позиции. Например, периодически высказываются оценки о беспрецедентности, некоем аномальном характере сегодняшних событий. С другой стороны, ряд наблюдателей рассматривает происходящее как возврат к норме на фоне аномалии последних трех десятилетий. Какой взгляд Вам представляется более объективным?

Алексей Громыко (А.Г.): Действительно, оценки разнятся вплоть до прямо противоположных. Думаю, это вызвано тем, что события нашего времени сложны и неоднозначны, а простые ответы всегда востребованы. При поверхностном взгляде на происходящее трудно выстроить причинно-следственные связи, тем более в эпоху постправды. В межгосударственном соперничестве, конечно, аномального мало. В разных формах оно существовало испокон веков. В новой и новейшей истории это была в основном конкуренция между различными империями, большинство из которых было сконцентрировано в лице своих метрополий в Европе. Затем она переросла в чересполосицу столкновений или взаимодействия между национальными государствами, многие из которых возникли и формировались в тени имперской истории.

Первая мировая война для современников, бесспорно, была аномальным явлением в смысле беспрецедентного и поражающего воображение своим масштабом и разрушительной силой конфликта. Распространено представление о том, что войну такого рода никто не хотел. На деле к войне как таковой все основные участники долго готовились, накапливали и модернизировали вооружения. Да, они не ожидали, во что это выльется, и расчет, как всегда, делался на собственную победу и в короткие сроки.

И все же новый виток борьбы за передел мира был, вероятно, неизбежен, и «ружье на стене», висевшее наготове и начищенное до блеска, не могло не выстрелить. Сработала вечно искушающая человеческий разум логика — чем больше вооружен, тем больше защищен. Но каждая из соперничающих сторон рассматривает такие приготовления как возможную подготовку конкурента к войне, а значит и сама вооружается с удвоенной силой. Не случайно в последние годы так обострился интерес к теме «ловушки Фукидида», согласно которой устоявшиеся центры силы пытаются с помощью запугивания или прямым вооруженным путем воспрепятствовать возвышению новых. В наше время это особенно справедливо для прогнозов соперничества США и Китая.

Мощнейший фактор — непредвиденные обстоятельства, когда все идет «не так, как задумано». Действительно, большинство войн для вовлеченных сторон развивалось не по плану и не так, как, казалось, должно быть, исходя из изначальных качественных и количественных параметров. Например, Семилетнюю войну в Европе Фридрих II, по всем расчетам, не должен был выиграть после образования оси Россия-Австрия-Франция. Но именно Пруссия и Англия оказались «на коне». Сыграл роль и субъективный фактор —

восшествие на престол Петра III после смерти Елизаветы. Другой пример – в начале Русско-японской войны в 1904 г. в Петербурге доминировали настроения превосходства и уверенности в скорой победе над более слабым, как казалось, соперником. В сентябре 1938 года соотношение сил в Европе было таково, что у Гитлера, с военной точки зрения, не должно было быть шансов захватить Чехословакию, но произошло именно это при попустительстве Англии и Франции, не говоря уже о Польше.

Высокие риски применения военной силы в международных отношениях также всегда были связаны со сценарием «пирровой победы», когда формально преобладание над противником достигнуто, но в конечном счете задачи не выполнены. Классические примеры – осада испанцами Остенде в начале XVII века, последствия Бородинского сражения в 1812 г. для французов или нападение японцев на Перл-Харбор в декабре 1941 г. Во всех этих и многих других случаях тактические победы оборачивались стратегическими провалами.

Малоэффективной может оказаться и ставка на технологическое превосходство или на военное устрашение. Например, американцы в 2019 г. вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, развязав себе руки в создании новых ударных систем наземного базирования. Предложения России о соответствующем моратории они проигнорировали, что во многом объяснимо в свете главной причины разрыва ДРСМД – противостояние США с Китаем. Американцы стали временно размещать ракетный комплекс средней дальности – в данном случае «Тифон» – то на севере Филиппин, то в Западной Европе, а в скором будущем готовятся делать это на постоянной основе. Предположим, в АТР это произойдет на Гуаме или где-то намного ближе к Китаю, а значит и к России. На первый взгляд американцы получают рычаг давления на Пекин. Но ведь одновременно они подтолкнут Россию к прекращению одностороннего моратория, к созданию и размещению своих аналогичных систем, причем не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. В результате под их потенциальный удар попадет значительная часть самих Соединенных Штатов, включая крупные военные объекты на Аляске. Где же здесь будет выгода для интересов национальной безопасности США?

Соперничество различных центров силы – действительно, закономерное явление. Но это совсем не означает, что его военная разновидность должна обязательно быть нормой. Пока Вторая мировая война была последним военным столкновением в истории, когда ведущие державы с оружием в руках выясняли отношения напрямую. Отсюда и термин «холодная война», означающий, что крайние формы, эксцессы конкуренции переместились на территорию третьих стран, как было на Корейском полуострове, во Вьетнаме или в Афганистане. Безусловно, такому изменению структуры соперничества способствовал ядерный фактор, который свел на нет вероятность победы какой-либо из сторон в гипотетической Третьей мировой войне. После Карибского кризиса в 1962 г. СССР и США окончательно пришли к выводу

о невозможности победы друг над другом в прямом обоюдосмертельном военном конфликте. И в этой ситуации появился термин «красные линии», за которые ядерные державы не должны заходить.

Опасность заключается в том, что сейчас на Западе немало горячих и безответственных голов, которые провоцируют Россию прогибанием ее красных линий в условиях украинского кризиса. Было бы полбеды, если бы это относилось только к второстепенным провокаторам, вроде прибалтийских государств. Но ведь и президент Франции Э. Макрон затеял опасную игру со сценарием введения на территорию Украины войск тех или иных стран НАТО. С этой точки зрения поведение таких деятелей направлено фактически на то, чтобы вновь поэкспериментировать в духе Карибского кризиса, то есть на грани ядерной войны. Такое экспериментаторство лишь повышает вероятность применения на Европейском континенте нестратегического ядерного оружия.

Также замечу, что в современную эпоху межгосударственное соперничество сконцентрировано далеко не только в Европе, а в перспективе и не столько здесь. Несмотря на всю ожесточенность украинского кризиса, по всем канонам сердцевиной такого соперничества в следующие десятилетия станет Юго-Восточная Азия, так как основная фабула противостояния ведущих держав в XXI веке будет развиваться вокруг соперничества США и Китая как крупнейших экономик современности. Быстрыми темпами Пекин идет и к наращиванию своих стратегических сил вровень с арсеналами России и США в параметрах Договора о стратегических наступательных вооружениях 2010 года. Если бы Европа по-прежнему находилась в центре мировой политики и была бы «законодателем мод» в международных отношениях, тогда и конфликты, в том числе вооруженные, в этом регионе были бы главной движущей силой изменения мирового баланса сил. Но европоцентризм мировой политики давно ушел в прошлое. Европа для международных отношений становится все больше периферией точно так же, как несколько столетий периферией считались события в неевропейских регионах мира. Поэтому ведущие европейские государства пытаются найти для себя дополнительные точки опоры за пределами Старого Света.

Такой ход событий открывает для России значительные возможности. Длительное по историческим меркам время стратегическим направлением ее внешней политики было европейское и западное в целом. Россия заплатила за это огромную цену, в том числе в ходе Первой и Второй мировых войн. «Призом» стало не только сохранение государственности, но и статус сверхдержавы. Сейчас положение иное – квазиполярность складывается в отношениях США и Китая, и ключевые столкновения, в том числе, не исключено, военного характера, в обозримом будущем будут происходить не в Европе. Поэтому представляется, что для России, при всех ее конкурентных преимуществах, но с двумя процентами в мировом ВВП по номиналу, разумнее не брать на себя роль наконечника копья в битве за новый мировой порядок,

а последовать долгому опыту Китая — со стороны наблюдать за схваткой «двух тигров в долине». Сейчас модно измерять экономическую мощь России по паритету покупательной способности, что до определенной степени справедливо. Но даже используя метод ППС, по показателю ВВП на душу населения наша страна находится только в шестом десятке, а по средней заработной плате нас обогнал Китай с его огромным населением.

Еще раз подчеркну — соперничество ведущих держав, особенно когда оно срывается в военные столкновения, косвенные или тем более прямые, несет в себе абсолютно непрогнозируемые последствия, начинает действовать большое количество факторов, которые предусмотреть и контролировать невозможно. Поэтому выгоднее максимально концентрировать ресурсы на внутреннем развитии, допуская внешнее задействование силового фактора в исключительных случаях. С этой точки зрения аномалией должны оставаться не периоды «концерта держав» и устойчивого баланса сил, а военные конфликты, тем более подаваемые как смысл жизни. Это была бы превратно понятая фаустовская культура на российский лад с гипертрофированной категорией жертвенности во имя всемирного спасения.

В.С.: **Глядя из сегодняшнего дня, можно сказать, что современный проект «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока, популярный в начале 2000-х гг., оказался в кризисе после запуска программы Восточного партнерства ЕС и утратил актуальность после госпереворота на Украине в 2014 г. В это время идея «интеграции интеграций» уступила место попыткам договориться о режиме мирного сосуществования между Россией и Евросоюзом, которые не увенчались успехом. Не исключено, что нынешнее время будет рассматриваться как некий «цивилизационный водораздел» между Западной Европой и Россией. Ведь идея их сближения в рамках некоего большого общего пространства существует уже более века. Есть и более радикальные оценки, рассматривающие нынешние события как завершение петровского периода в истории России. Вы задолго до сегодняшнего дня писали, что без России Большая Европа невозможна, а Западная Европа и окружающие ее члены ЕС останутся лишь Малой Европой. Как бы Вы сегодня охарактеризовали цивилизационные отношения между Россией и Западной Европой? Какую роль в российском цивилизационном самоопределении в ближайшие годы будет играть европейская историко-культурная традиция?**

А.Г.: Думаю, что некой единой европейской историко-культурной традиции не существует. Европейская цивилизация необычайно разнообразна и многолика, в ней есть неподражаемые западная, восточная, северная, южная составляющие. Это достаточно метафизический и давний спор. Существует ли некая однородная африканская цивилизация или латиноамериканская, арабская, тихоокеанская и т.д.? И как такие цивилизации соотносятся с намного более многочисленными культурами? Умозрительные, историософские рассуждения могут быть интересны, но большей частью как абстрактные упражнения. Одно из них — разведение понятий «цивилизация»

и «культура», как, например, делал О. Шпенглер в своем знаменитом двухтомнике «Закат Европы» (на самом деле – «Закат Западного мира») (Шпенглер, 2017). Но это уже совсем другая и многослойная тема.

Лучше искать культурный базис, помноженный на «тиранию» географии и истории, то есть на общее географическое расположение и многовековые человеческие и государственные связи, на языковые особенности. В этом смысле общий фундамент у европейской цивилизации, бесспорно, есть – это античное наследие, христианство, вековые династические браки, эталоны в области изящных искусств, общая история мира и войн. Русский язык – из славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Византийская история и культура, из которых так много почерпнуто нашими предками, конечно, продукт европейской цивилизации, то есть общего культурного пространства, которое более однородно по сравнению с другими. И только по недоразумению можно замещать понятие европейской цивилизации на «западную цивилизацию». Последней, действительно, не существует, если только в ряде геополитических построений, не имеющих отношения к реальной истории культур.

Если «Москва – Третий Рим», а не Мекка, Шамбала, Теночтитлан или Луксор, то какой смысл вырывать Россию из общеевропейского контекста? Пушкин, Толстой, Достоевский были бы сильно удивлены, если бы узнали, что в будущих спорах почвенников и западников, включая наше время, их будут использовать в свою пользу и те, и другие, доводя до абсурда взгляды этих великих россиян на «Европу». Несомненно и то, что Россия является наследником не только европейской цивилизации как, пожалуй, ее самый своеобразный и самобытный представитель, но и несет в себе много из истории «ордынского пленения».

Предпринимая столь необходимые усилия для сохранения и укрепления российской идентичности, важно не срывать в тупиковый антиевропеизм, что во многом было бы саморазрушением, ведь русские – это 80% населения нашей страны. И не надо отдавать на откуп понятие Европы тем, кто не понимает нашей страны или настроен к ней враждебно. Было бы самоуничтожением подыгрывать примитивному навязыванию в ЕС представлений о Европе как исключительно пространстве его стран-членов. Не стоит уподобляться тем, у кого невежественное и узколюбое представление о европейской культуре, цивилизации и о выдающейся роли России в ее создании и защите.

Что касается постмодернистских, ультралиберальных проявлений в современной европейской культуре, то лично мне импонирует взгляд на русского европейца как на большего европейца, чем многие из тех, кто заявляет о себе как о центре Европы. Насколько могу судить, у русской, в том числе советской интеллигенции, при всей нечеткости этого понятия, не было проблем с представлениями об органичности совмещения уникальности России и ее ярко выраженной европейскости. Здесь встает еще один важный вопрос о будущем европейской цивилизации. Насколько размывание традиционных

христианских норм и гуманистических ценностей вкупе с демографическими процессами могут, действительно, привести к «закату Европы»? Никакой из цивилизаций не гарантирована вечная жизнь, каждая из них должна поддерживать способность к самовоспроизводству. В конце концов именно европейская цивилизация дважды становилась эпицентром мировых войн.

Думаю, что окончательные ответы будут даны не раньше XXII века. Чтобы они не стали реквиемом по европейской цивилизации, к которой Россия имеет самое прямое отношение, идея Большой Европы не должна списываться со счетов. В этом плане я бы продлил логику Петра Толочко, выдающегося историка Древней Руси, недавно ушедшего из жизни. Он не соглашался с хрестоматийным положением о феодальной раздробленности на Руси и защищал тезис о федерации единого княжеского рода, представители которого постоянно выясняли отношения на поле брани – своего рода внутрисемейные разборки (Толочко, 2013). В Западной Европе народы и государства веками также беспрерывно воевали друг с другом, причем в войнах намного более кровавых. Но постепенно нашли более гуманные способы общежития и сосуществования. Такое историческое наследие по обе стороны Европы, как и опыт сосуществования в годы холодной войны, в будущем еще могут привести к попыткам общеевропейского урегулирования.

В постсоветскую эпоху Россия не попала на удочку «конца истории», в которой на Западе ее мыслили соподчиненной силой. Точно так же было бы контрпродуктивно заглатывать наживку «столкновения цивилизаций». Борьбу за Россию как государство-цивилизацию намного разумнее основывать на концепте диалога цивилизаций и их сосуществования. Кстати, китайцы в отношении себя продвигают именно такую философию.

В.С.: Политически Западная Европа несколько столетий, вплоть до первой половины XX века, притязала на роль своеобразного «центра управления» миром. Однако географически всегда оставалась лишь малой его частью, полуостровом на периферии Евразийского континента. Сегодня другие регионы мира убедительно продемонстрировали способность к промышленному и научно-технологическому развитию. Все это сыграло немаловажную роль в утрате западноевропейскими государствами военного превосходства, на котором прежде в значительной мере зиждилось их мировое господство. В вышедшей из печати в конце 2023 г. коллективной монографии Института Европы РАН Вы справедливо указываете на распад «Франсафрик» как системы контроля Парижа над своими бывшими колониями в Африке и все более очевидную несостоятельность курса Лондона на «глобальную Британию» (Европа в глобальной пересборке, 2023). На Ваш взгляд, связано ли стремление и демонстрируемая готовность руководства Франции и Британии придать противостоянию с Россией прямой и вооруженный, фактически экзистенциальный характер с ощущением собственной уязвимости, страхом европейских элит вернуться к своему географическому знаменателю влияния? Или мы наблюдаем рецидив западноевропейской экспансионистской

политики, когда Украина рассматривается как провинция, необходимая ЕС для расширения ареала влияния, без которой европейский интеграционный проект может постичь историческая неудача?

А.Г.: Я бы не упрощал представление о том, что именно Западная Европа несколько веков верховодила в мировой политике. До XIX–XX века существовали мощные и огромные по территории и сферам влияния Российская, Османская, Китайская империи. Да и Австро–Венгерскую империю трудно однозначно отнести к западноевропейской. Что касается Британской, Французской, Испанской и других истинно западноевропейских империй, то, действительно, они имели огромную власть и входили в круг, в терминологии Венского конгресса, великих держав. Но воевали друг с другом не реже, чем находили компромиссы. Уместнее сказать намного шире – сконцентрированные в географической Европе метрополии империй от Британской до Российской действительно владели или контролировали большую часть мира, особенно после окончательного раздела Африки западноевропейцами в начале XX века.

Ни одна из классических империй не пережила XX век. Европоцентризм мировой политики ушел в прошлое к середине прошлого столетия в результате возникновения нового баланса сил по результатам Второй мировой войны. На его место вступили две сверхдержавы. Но представление о великих державах сохранилось, в том числе в виде постоянных членов Совета Безопасности ООН, среди которых теперь был и Китай. Западная и Центральная Европа в этом раскладе оказались в геополитической тени США, из которой до сих пор не могут выбраться. Устремления генерала де Голля оказались недостаточными. Вторую попытку обрести свое собственное геополитическое лицо Западная Европа в лице Франции и Германии предприняла в начале XXI века, когда Ж. Ширак и Г. Шредер высказались против вторжения коалиции во главе с США в Ирак. Даже в Британии тогда развилось влиятельное политическое и интеллектуальное движение за прекращение политики «особых отношений» с американцами. Но и эта попытка оказалась неудачной. В то же время мир вступил в эпоху полицентризма, глубокие изменения произошли в структуре мировой экономики, доля США, Франции, Британии, Германии в мировом ВВП, особенно по паритету покупательной способности, продолжит снижаться, а у восходящих неевропейских экономик увеличиваться.

В 1970–е гг. концептуально (а в следующее десятилетие практически) Запад усилиями США и Британии перешел к политэкономии неолиберализма, возникли феномены тэтчеризма и рейганомики. Смысл состоял в переходе от экономики спроса к экономике предложения, к резкому изменению отношений между трудом и капиталом в пользу последнего. Произошла беспрецедентная либерализация мировых финансовых рынков. После развала СССР эти процессы приняли еще больший масштаб. В результате была создана система, которую с натяжкой, но можно назвать неокOLONIALНОЙ, когда неолиберальная модель глобализации на основе Вашингтонского консенсуса способствовала новому этапу перекачки ресурсов от не–Запада к Западу,

но уже без прямых признаков колониального господства. Однако это была бы слишком упрощенная ее характеристика. В рамках этой модели ряд западных государств также получил мощный импульс развития, в первую очередь Китай, о чем сейчас американцы сильно жалеют.

Надо сказать, что в последние десятилетия и в США, и в Европе произошла заметная реабилитация понятий «империя», «империализм», которые длительное время были «нерукопожатными». Американцы изобрели термин «милосердная империя»; в Британии, особенно усилиями Н. Фергюсона, стали акцентировать внимание на «прогрессивные» стороны истории «бремени белого человека»; в ЕС развился комплементарный дискурс о «неосредневековой империи», и в более прямолинейной форме — о ЕС, как об островке благополучия в окружении мира «джунглей», в которых прячутся воинственные племена варваров.

После окончательного распада бывших классических империй в 1960-е — 1970-е гг. в результате национально-освободительного движения в странах Азии и Африки продолжали сохраняться элементы неоимперской политики бывших метрополий. Это проявлялось долгое время в рамках Содружества наций, которое Британия рассматривала как мягкую форму сохранения своего влияния в бывших колониях, или в политике «Франсафрик», которую Франция проводила для сохранения своего контроля над бывшими колониями в Африке. На сегодняшний день происходит демонтаж Франсафрик в результате отказа многих африканских стран от политики соподчинения Парижу. Наиболее ярко это проявляется в зоне Сахеля.

Что касается Лондона, то, на мой взгляд, попытка евроскептической части британского политического класса с помощью брексита перейти к стратегии «глобальной Британии» провалилась. Правительственная чехарда вплоть до появления таких комичных персонажей, как Лиз Трасс, экономические неудачи, постоянные склоки с континентальными соседями, еще большая асимметрия «особых отношений» с США, неспособность решить североирландскую проблему достаточно красноречиво об этом свидетельствуют.

Европейское пространство ЕС и НАТО все больше оказывается в ситуации, когда возможности играть доминирующую роль в мире снижаются и когда приходится не столько управлять им, сколько приспособливаться к условиям полицентричности. Отсюда возрастание агрессивности внешней политики, поиск внешнего врага, нарастание менталитета осажденной крепости. ЕС предпринимает попытки остановить снижение своей конкурентоспособности с помощью стратегии «двойного перехода» (энергетического и цифрового), вновь запускает политику расширения. Однако политизация того и другого ведет к противоположному эффекту: ЕС все больше импортирует внешние риски на свою территорию, в том числе с помощью педалирования украинского кризиса, а догматичный курс на расширение ЕС и НАТО за счет Украины и других стран постсоветского пространства делает эти организации более, а не менее уязвимыми и небезопасными.

В.С.: Хотелось бы подробнее остановиться на проблеме экспансионизма. Британский дипломат и политолог Роберт Купер, работавший во внешнеполитических структурах ЕС, два десятилетия назад выдвинул тезис: «мягкая сила» Евросоюза действенная постольку, поскольку служит бархатной перчаткой, скрывающей железный кулак (Cooper, 2000). При этом сам Евросоюз рассматривался как проводник либерального империализма в логике постмодерна, что давало ему право вмешиваться в дела стран, поставленных автором на более низкие ступени исторического развития (эпоха модерна и домодерна). Исследования ЕС сквозь призму понятия империи редко встречаются в отечественном научном сообществе, однако в странах Евросоюза они представляют вполне состоятельное направление, насчитывающее не менее двух десятилетий новейшей интеллектуальной истории. В этой связи не является ли сегодняшняя реакция ЕС на СВО и украинский кризис, в том числе активные поставки оружия, боеприпасов и наемников, постепенное внедрение в дискурс идеи об отправке официальных воинских контингентов на Украину, проявлением идеи имперского экспансионизма, который существовал и прежде, но был облечен в «мягкую» либерально-рыночную форму?

А.Г.: Идеи Р. Купера, действительно, в свое время были популярны. Но все же в целом в ЕС долго превалировала точка зрения о том, что закат биполярного мира, мирные дивиденды, «мягкая сила» действительно вытесняют силовые методы расширения и удержания своей сферы влияния. Отсюда и беспрецедентные масштабы сокращения вооружений и вооруженных сил в Европе по обе стороны бывшего железного занавеса в первые десятилетия после окончания холодной войны. Даже на момент 2023 г. при всем наращивании инвестиций в европейский ВПК численность ВС, например, Британии и Германии, продолжала снижаться. Да и, как считается, самая мощная армия в мире – американская – показала крайнюю неэффективность. Один из недавних ярких примеров – вывод, а фактически бегство военного контингента США из Афганистана в августе 2021 г.

Поэтому украинский кризис и его самая горячая фаза – с февраля 2022 г. – так рьяно используется Западом вследствие осознания невозможности надавить на другие центры силы вооруженным путем или угрозой силой. Запад пока надеется на то, что с помощью мобилизационного потенциала Украины и массированных поставок Киеву вооружений можно будет принудить Россию к урегулированию конфликта на невыгодных для нее условиях, а заодно и косвенно пригрозить Китаю. Однако ход военных действий в 2023–2024 гг. делает ставку на военное поражение России на Украине крайне маловероятной, и, напротив, события развиваются по сценарию, грозящему Киеву потерей все новых территорий. Отсюда и попытки Запада в последнее время, все больше напоминающие арьергардные бои, взвинтить ставки, обозначить некие красные линии уже для НАТО в случае дальнейших военных успехов нашей страны. Москва же в ответ прибегает к активному ядерному сигнализированию, включая решение провести военные учения по применению нестратегического ядерного оружия.

В.С.: Конфликтный потенциал в Европе, видимо, не будет исчерпан даже в долгосрочной перспективе, хотя формы противоборства могут изменяться. Насколько обоснованы надежды, что смена политических элит в странах Евросоюза под давлением социально-экономических проблем приведет к восстановлению рациональности во внешнеполитических расчетах и если не полному отказу от курса на конфронтацию с Россией, то отказу от прокси-войны?

А.Г.: Судя по всему, прокси-война НАТО против России на территории Украины заходит в тупик, ее издержки – политические, военные, финансовые – все больше перевешивают геополитические выгоды. В Европе с содроганием ждут ноябрьских выборов в США, опасаясь возвращения в Белый дом Д. Трампа. Для России это может мало что изменить, как и для Китая (если только в противоположную сторону), но с новой силой поставит под вопрос целостность Атлантического мира во главе с США. Для последних главный вызов на всю глубину XXI века – Китай и возможные ТВД в Юго-Восточной Азии, и они будут все больше тяготиться отвлечением ресурсов на поддержку союзников в Европе и на Ближнем Востоке.

Что касается Европы, то надеяться на возвращение здравого смысла в результате смены местных политических элит, прихода к власти неких политиков нового поколения я бы буквально не стал. Ведь, скажем, Р. Сунак, Дж. Мелони, А. Бербок или К. Каллас – чем не представители нового поколения европейских политиков? Но при них антироссийская и антикитайская линия не меняется или даже усиливается, как и экономическая зависимость от США. Роль в возможном общеевропейском урегулировании в будущем могут сыграть политики старшего или среднего поколения, как показывает политическая динамика в Венгрии или Словакии, все большая популярность несистемных политиков, например, в Нидерландах, шансы на победу во Франции на президентских выборах в 2027 г. кандидата от «Национального объединения». Посмотрим, как дальше поведут себя лейбористы после победы на всеобщих выборах в Британии. В Германии ухудшение экономического положения и усиление социальной напряженности может окончательно подорвать электоральные позиции радикальной части движения зеленых и милитаристского фланга СДПГ, укрепить перспективы таких политических сил, как АдГ и «Союз Сары Вагенкнехт».

И все же представляется, что, хотя работать с прагматичной частью европейских политиков можно и нужно, главное, что в перспективе скорректирует подходы европейцев к международным отношениям, – это сценарий устойчивых успехов России и Китая в экономике, позиция лидеров глобального Юга в отношении механизмов глобального управления и регулирования, вероятность дальнейшей стратегической расстыковки США и их союзников в Европе.

В.С.: Учитывая высокий темп и внутреннюю противоречивость современных международных процессов в Европе, большие аналитические модели или метанарративы часто оказываются неэффективны в осмыслении проис-

ходящего. Какие исторические параллели могут дать ключ если не к прогнозированию, то к объяснению логики ключевых процессов, которые переживает современная Европа? С каким историческим периодом Вы бы сравнили сегодняшнюю ситуацию?

А.Г.: Напрашивается целый ряд исторических параллелей, к сожалению, драматического характера. Разрядка в 1970-е гг., постбиполярные 90-е и даже двухтысячные были периодами, когда казалось, что войны в истории Европы остались в прошлом. Перестали пытаться уничтожить друг друга Франция и Германия, превратившись в ближайших союзников. Вначале часть Германии – ГДР – стала другом СССР, а затем наша страна сыграла ключевую роль в объединении Германии, и обе стороны заявили об историческом примирении и стратегическом партнерстве. Курс на стратегическое сотрудничество взяли и Россия с Евросоюзом и даже с НАТО. Но оставалась червоточина – продолжение экспансии альянса и готовность США и значительной части Запада в выгодных им случаях не обращать внимания на юрисдикцию Совета Безопасности ООН и международное право в целом. В результате международные отношения стала проедать коррозия правового нигилизма, первыми яркими примерами которого стали бомбардировка НАТО Югославии в 1999 г. и затем вторжение в Ирак в 2003 г.

С тех пор события развивались таким образом, что во многом наше время стало напоминать канун Первой мировой войны. Причем об этом писали еще к столетию со дня ее окончания, но с тех пор ситуация лишь несравненным образом ухудшилась. Фактически во второй раз за сто лет мечты о «вечном мире» в Европе разбиваются о жесткую реальность геополитического противостояния. О периоде, предшествующем Второй мировой войне, я в данном контексте не говорю, так как тогда предчувствие надвигающейся катастрофы было широко распространено.

Но в отличие от начала XX века мы уже давно живем в ядерном мире, и сегодня также напрашивается параллель с кануном другого события – Карибского кризиса 1962 года. Уже в его разгар СССР учел красные линии США; Кремль и Вашингтон сумели найти взаимоприемлемое компромиссное решение. Сегодня красные линии Москвы Запад продолжает игнорировать, навязывается еще одно «окно Овертона» – рутинизируется дискуссия о возможности ввода войск НАТО или ее отдельных стран-членов на территорию Украины вплоть до использования в прямых боевых столкновениях с российскими войсками. На уровне наемников и добровольцев это происходит давно, но теперь речь идет о вероятности войны с Россией под своим флагом и с помощью регулярных частей западных государств. В ответ Россия предпринимает активное «ядерное сигнализирование».

Мы привыкли рассуждать о том, что история чему-то да учит, что внешнеполитические стратегии великих держав способны учитывать свои и чужие ошибки, совершенные в прошлом, что здравый смысл современного человека развит лучше, чем у средневекового или даже человека Нового времени. Все же Европа уже прошла через две мировые войны, а в период холодной

войны, в первую очередь усилиями СССР и США, была «сплетена» достаточно прочная страховочная сетка контроля над вооружениями, их ограничения и сокращения. Хочется надеяться, что человеческой глупости и тщеславию есть предел. В конце концов, и инстинкт самосохранения никто не отменял. Киев и Запад совершили грубейшую ошибку, отказавшись от миротворческого потенциала стамбульских договоренностей (декларация, а затем проект мирного соглашения). Необходимо избежать дальнейшей смертоносной эскалации украинского кризиса и перейти к его урегулированию на основе новых реалий. В противном случае проиграют все.

Список литературы

1. Громыко Ал.А. (2017) *О насущном: Европа и современный мир*. СПб.: Нестор-История.
2. *Европа в глобальной пересборке (2023)* Под общей ред. Ал.А. Громыко. М.: Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН.
3. *Европа в кризисном мире (2022)* Отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: Весь мир, Институт Европы РАН.
4. Громыко Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа* (4): 10–25.
5. Толочко П.П. (2013) *Ранняя Русь. История и археология*. М.: «Блиц».
6. Тренин Д. (2022) Специальная военная операция на Украине как переломная точка внешней политики современной России. *Россия в глобальной политике*. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/perelomnaya-tochka/>.
7. Шпенглер О. (2017) *Закат Западного мира*. М.: Альфа-книга.
8. Cooper R. (2000) *The Post-modern State and the World Order*. London: Demos.
9. Sutyurin V. (2022) Special Military Operation in Ukraine: Consequences for the EAEU and Eurasian Integration. *Russia in Global Affairs* 20 (2): 158–163.

Comparative Politics. Volume 15. No. 2. April-June / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-2-15-7

ADAPTATION TO POLYCENTRICITY. RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND EUROPE IN A NEW ROUND OF INTERSTATE RIVALRY

About the interviewee:

Dr. Alexey A. GROMYKO – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute of Europe RAS.

ORCID: 0000-0003-4228-1552. E-mail: gromyko@instituteofeurope.ru
11/3 Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.

The interview was conducted by **Dr. Vyacheslav V. SUTYRIN**, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Director, Center for Science Diplomacy and Advanced Academic Initiatives, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0003-3884-536X. E-mail: v.sutyryn@inno.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 13, 2024

Accepted June 3, 2024

Abstract: The current cycle of interstate rivalry and crisis of European security raises the issues of civilizational identity of Russia and relations between the West and East of Europe. The analysis examines a broad range of political, historical and cultural problems that determine the modern place and role of Russia in Europe. The current features of interstate rivalry and its structure are revealed. An analysis of the causes and historical parallels of recent events, including those related to the escalation of the Ukrainian crisis, is given. The strategic risks and opportunities of Russian foreign policy in Europe are outlined. It is underlined that the increasing aggressiveness of Western policy is dictated by the crisis of the neoliberal model of globalization. The European space of the EU and NATO increasingly finds itself in a situation where its ability to play a dominant role in the world is decreasing and it becomes necessary to adapt to the conditions of a polycentric world order. The inability of the West to keep pace with event produces the search for an external enemy, and the growing mentality of a besieged fortress. The West increasingly imports external risks by peddling the Ukrainian crisis as well as the dogmatic course towards expanding the EU and NATO at the expense of Ukraine and other post-Soviet countries. In the current circumstances, while making much-needed efforts to preserve and strengthen Russian identity, it is important not to leave the concept of Europe at the mercy of those who do not understand Russia or are hostile to it.

Keywords: Europe, Russia, interstate rivalry, European Union, USA, Ukrainian crisis, Eurocentrism, quasi-bipolarity, civilization, polycentrism

References

1. Cooper R. (2000) *The Post-modern State and the World Order*. London: Demos.
2. *Evropa v global'noj peresborke [Europe in Global Reassembly]* (2023) Ed. by Al.A. Gromyko. Moscow: Ves' Mir Publishing House, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
3. *Evropa v krizisnom mire [Europe in the Crisis World]* (2022) Ed. by Al.A. Gromyko. Moscow: Ves' Mir, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
4. Gromyko Al.A. (2017) *O nasushchnom: Evropa i sovremennyy mir [On the Essential: Europe and the Modern World]*. SPb.: Nestor-Istoria. (In Russian).
5. Gromyko Al.A. (2021) Sub'ektnost' Evrosoyuzu – mezhdru atlantizmom i evropocentrizmom [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]* (4): 10–25. (In Russian).
6. Spengler O. (2017) *Zakat Zapadnogo mira [The Decline of the West]*. Moscow: Al'fa-kniga. (In Russian).
7. Sutyryn V. (2022) Special Military Operation in Ukraine: Consequences for the EAEU and Eurasian Integration. *Russia in Global Affairs* 20 (2): 158–163.
8. Tolochko P.P. (2013) *Rannyya Rus'. Istoriya i arheologiya [Early Russia. History and archaeology]*. Moscow: Blitz. (In Russian).
9. Trenin D. (2022) Special'naya voennaya operaciya na Ukraine kak perelomnaya tochka vneshnej politiki sovremennoj Rossii [Special military operation in Ukraine as a turning point in the foreign policy of modern Russia]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]*. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/perelomnaya-tochka/> (In Russian).